

14. Jung C. G. Psychological types / C. G. Jung. – London : Trubner & Co., 1946.
15. Levy-Bruhl L. Primitive mentality / L. Levy-Bruhl. – London, 1926.
16. Levy-Bruhl L. How Natives Think / L. Levy-Bruhl. – New York : Arno Press, 1979.
17. Murra J. Formaciones economicas y politicas del mundo Andino / J. Murra. – Lima, 1975.
18. Ramos G. Historia de Celebre y Milagroso Santuario de la Insigne Imagen de Nuestra Senora de Copacabana / G. Ramos. – Lima, 1621.
19. Seaver J. E. A Narrative of the Life of Mrs. Mary Jemison / J. E. Seaver. – New York, 2010.
20. Steinen von den K. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens / Steinen von den K. – Berlin, 1894.
21. The Rachel Plumer Narrative. A Stirring narrative of adventure, hardship and privation in the early days of Texas, depicting struggles with the Indians and other adventures. – Huston, 1926.
22. Wakefield S. F. Six Weeks in Sioux Tepees. A Narrative of Indian Captivity / S. F. Wakefield. – Norman: the University of Oklahoma Press, 2002.
23. War in the Tribal Zone / ed. by B. Ferguson and N. Whitehead. – Oxford, 2001.

References

1. Biokka Je. *Janoama* [Yanoama]. Moscow: Mysl', 1972.
2. Morgan G.L. *Liga hodenosauni ili irokezov*. Moscow: Nauka, 1983.
3. Romanova A.P., Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. «Gljazhus' v tebjja kak v zerkalo do golovok-ruzhenija» ili protoobrazy tela chuzhogo v rossijskom diskurse [«I look in you as in a mirror to dizziness» or protoimages of a body of the alien in the Russian discourse]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture]. 2011, no. 1, pp. 189–195.
4. Romanova A.P., Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. Metaforicheskoe ispol'zovanie obraza varvara v obvestvennom diskurse [Metaphorical use of the image of barbarian in public discourse]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian Researches]. 2011, no. 4, pp. 28–37.
5. Frejdenberg O.M. *Mifi i literatura drevnosti* [Myth and antiquity literature]. Moscow, 1978.
6. Jakushenkov S.N. *Duhovnaja kul'tura ajmara Peru i Bolivii*. Astrakhan, 1999.
7. Jakushenkov S.N., Jakushenkova O.S. Chuzhoe telo skvoz' prizmu vstrechi civilizacij ili lichiko Gjul'chataj [Another's body through a prism of meeting of civilizations or Gylulchatay's face]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture]. 2010, no. 4, pp. 111–116.
8. Jakushenkov S.N. Jevoljucija obraza Chuzhogo na primere evropejskogo diskursa o vam-pirah [Evolution of the image of the Alien by the example of the European discourse about vampires]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture]. 2012, no. 2, pp. 263–269.
9. Alencastre G. Fotes et Usages des Indiens de Lagui (Province de Canas, Departament de Cuzco) / G. Alencastre, G. Dumezil // *Journal de la Societe des Americanistes de Paris*. – 1953. – N.S. – T. 42.
10. Arriaga Pablo J. Extirpacion de la Idolatria del Peru / J. Arriaga Pablo // *BAE*. – 1968. – T. 209. – P. 191–277.
11. Chagnon N. Yanomamö: The Fierce People / N. Chagnon. – New York, 1968.
12. DeShields J. T. Cynthia Ann Parker. The Story of her Capture / J. T. DeShields. – St. Louis, 1886.
13. Esquimo // *American Heritage Dictionary of the English Language*. – Boston, 2001.
14. Jung C. G. Psychological types / C. G. Jung. – London : Trubner & Co., 1946.
15. Levy-Bruhl L. Primitive mentality / L. Levy-Bruhl. – London, 1926.
16. Levy-Bruhl L. How Natives Think / L. Levy-Bruhl. – New York : Arno Press, 1979.
17. Murra J. Formaciones economicas y politicas del mundo Andino / J. Murra. – Lima, 1975.
18. Ramos G. Historia de Celebre y Milagroso Santuario de la Insigne Imagen de Nuestra Senora de Copacabana / G. Ramos. – Lima, 1621.
19. Seaver J. E. A Narrative of the Life of Mrs. Mary Jemison / J. E. Seaver. – New York, 2010.
20. Steinen von den K. Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens / Steinen von den K. – Berlin, 1894.
21. The Rachel Plumer Narrative. A Stirring narrative of adventure, hardship and privation in the early days of Texas, depicting struggles with the Indians and other adventures. – Huston, 1926.
22. Wakefield S. F. Six Weeks in Sioux Tepees. A Narrative of Indian Captivity / S. F. Wakefield. – Norman: the University of Oklahoma Press, 2002.
23. War in the Tribal Zone / ed. by B. Ferguson and N. Whitehead. – Oxford, 2001.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: kasregion@inbox.ru

В статье рассматривается отражение в русской культуре межкультурных связей и контактов представителей русского этноса с носителями исламского менталитета. Анализируются и интерпретируются произведения XVI–XXI вв., посвященные изображению жизни и истории народов мусульманского Востока.

Ключевые слова: межкультурный диалог, толерантность, конфронтация, ислам, христианство, веротерпимость, культура, литература, Восток.

INTERCULTURAL DIALOGUE AND PROBLEM OF TOLERANCE IN RUSSIAN CULTURE

Isaev Gennady G., Doctor of letters, Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, Russia, 414056
E-mail: kaspregion@inbox.ru

In the paper the author considers the reflection of intercultural ties and contacts of representatives of Russian ethnos with carriers of Islamic mentality in Russian culture. The author gives the analysis and interpretation of the main works of the XVI–XXI centuries, which are devoted to the image of life and history of the people of the Muslim East.

Keywords: Intercultural dialogue, Tolerance, Confrontation, Islam, Christianity, Toleration, Culture, Literature, The East.

Эта статья посвящена некоторым специфическим вопросам проблемы, которую современное гуманитарное знание определяет как диалог культур. Она возникла как результат обращения автора в разное время к частным вопросам изучения литературы как составной части общекультурного процесса. Особенно нас интересовал диалог русской литературы с культурой ислама, имевший место во все исторические периоды, что было проявлением объективного процесса – стремления преодолеть противоречия цивилизации. Вклад русской литературы в решение этой проблемы поистине огромен, что было показано в ряде глубоких литературоведческих исследований. Тем не менее, в науке остаются нерешенными многие вопросы, связанные прежде всего с выяснением роли в диалоге культур русской литературы XX в., которая осознанно уходит от давления монолога, где истина преподносится в готовом виде, и говорит о мире становящемся, о культурах, выходящих за свои пределы. Только на этой основе возможно преодоление конфронтации культур и формирование толерантности, так необходимой современному человечеству. Ведь именно художественный диалог, обладающий таким важнейшим свойством, как нравственная направленность взаимоотношений, порождает в культуре позицию «участного мышления» [1, с. 310].

В методологическом плане работа сориентирована на «философию диалога» (М. Бахтин, М. Бубер, Ф. Розенцвейг и др.). Под диалогичностью понимается, прежде всего, качество писательского сознания, принцип мышления, заключающийся в целостности и открытости другой культуре, в данном случае – культуре ислама. После работ М. Бахтина диалог стал пониматься как диалог культур по основным, главным вопросам бытия, как равноправное общение разных культур, художественных миров, разных сознаний, воплощенных в тексте. Межкультурный диалог обычно происходит в «пограничной зоне». В центре его – дефиниции в представлениях о модели мира и человека, системе ценностей, своеобразии стиля культурной эпохи.

Среди многих видов диалога (диалог голосов героев, диалог смыслов, диалог героев и автора, диалог внутри сознания персонажа, рассказчика, автора) нас в первую очередь интересует диалог культур, когда герои выступают выразителями конкретных национально-культурных миров, определенных пластов культуры. Точно также тексты художественных произведений рассматриваются как реплики межкультурного диалога. Через тот или иной художественный текст один этнос говорит другому: «Я – такой-то и такой-то, я вижу и понимаю тебя и твою культуру так-то и так-то».

Диалог культур может быть конструктивным и полемическим. Конструктивный диалог предполагает в конечном счете консенсус, согласие; полемический диалог свидетельствует о несовпадении позиций, нередко даже о непримиримости взглядов, мнений, логик. Например, строчка из стихотворения С. Есенина: «Мы в России девушек весенних / На цепи не держим, как собак...», выражает несогласие поэта с целым пластом исламской культуры, регламентирующим положение женщины в обществе.

Межкультурные диалогические пласты задаются писателем самыми разнообразными средствами: введением в текст сюжетов, микросюжетов, мотивов, образов,

цитат, аллюзий, реминисценций, мифологем, относящихся к разным национальным культурам, а также сведений из области политики, науки, религиозных учений.

Кроме того, по Г. Гачеву, каждая культура заключает в себе Космо-Психо-Логос, т.е. единство национальной природы, склада психики и мышления, что в художественном тексте воплощается в образах растительно-животного мира, нравах, обычаях, образе жизни людей, поведении, особенностях мышления и сознания героев, свособразии выражения авторского сознания [2, с. 18].

Особое значение имеет инонациональный характер, «воспринятый и художественно воссозданный другой национальной литературой. Инонационального характера как такового в действительности не существует, это «лишь художественная реальность, ментальная модель человека и страны, рожденная книгами, картинами, кино, путешествиями» (А. Большакова), часто не совпадающая с историко-географическими реалиями. «Инонациональный характер – часть национального самосознания принимающей стороны; он несет в себе авторскую оценку «чужого»: типов человеческого поведения, поступков, мыслей, переживаний, речевых особенностей, обусловленных иной национальной идентичностью» [3, с. 3].

Инонациональный характер становится предметом изучения имагологии, одного из ответвлений современной компаративистики. Ее интересуют «образы стран, народов или имиджи, представляющие собой обобщенные суждения о качествах, характере и основополагающих признаках нации, национальных культур, литератур. Имидж «раскрывает индивидуальное или коллективное представление, содержащее одновременно интеллектуальные и аффективные, объективные и субъективные элементы» [3, 4]. Такой подход представляется очень важным. Чтобы лучше понять «свое», нужно не только изучать его в собственной исключительности, изучать его в сравнении с «чужим», но и исследовать «чужое» в том качестве, в котором оно освоено и усвоено. Освоенное и усвоенное «чужое» нас и интересовало в наследии поэтов и прозаиков XIX–XX вв. В центре внимания, таким образом, особенности художественного восприятия русскими писателями реалий мусульманского мира, традиции исламской культуры в их творчестве.

В начале XX в. под пером великого русского поэта Велимира Хлебникова родились стихотворные строки:

Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам...

Парадоксальное на первый взгляд утверждение поэта-футуриста как бы подводило итог многовекового диалога России с культурой ислама. Диалог, начавшийся еще в средние века, в целом способствовал обогащению всей русской культуры и, прежде всего, ее вербальной основы – литературы.

Какие же формы принимал этот диалог? Как он проявлялся в различные исторические периоды? Можно ли говорить о его позитивных результатах? Каковы перспективы диалога в XXI в.?

Начиная с «Хождения за три моря» А. Никитина, в русской литературе наблюдаются многочисленные попытки художественного отражения мира мусульманства как особого универсума со своим доминирующим типом сознания, социально-психологическим, национальным и религиозным климатом. Вклад русской классической литературы в решение этой проблемы поистине огромен, что показано в ряде глубоких литературоведческих исследований о В.А. Жуковском, А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Н. Полежаеве, Н. Лескове, Л.Н. Толстом, А. Фете и других писателях XIX в. Образы арабского, иранского, монголо-татарского и других миров при всей своей необычности и яркости воссоздаются русскими писателями сквозь призму вечных проблем, поэтому духовный космос ислама в их интерпретации – часть всемирной культуры. Обращает на себя внимание в произведениях художников слова акцент на позитивных результатах межэтнических отношений представителей русского этноса с представителями этносов Востока. Для русского типа художественного сознания примечательны установки и ориентации на межэтнические контакты в разных сферах взаимодействия, а также критический анализ национальных стереоти-

пов и предубеждений. Достаточно в связи с этим вспомнить тональность, в которой разрабатывается «персидская тема» в рассказах А.П. Чехова «Лев и Солнце» (1887) и «К характеристике народов (Из записок одного наивного члена русского географического общества)» (1884). Писатель остроумно издевается в них над примитивными обывательскими представлениями об иранцах и людях мусульманского мира вообще.

Интерес к странам и народам мусульманского Востока, к истории, культуре, искусству, героям, образам, выразительным средствам их поэзии – одна из давних постоянных, и плодотворных традиций русского художественного слова. Ориентализм в самых различных своих проявлениях уже больше трех столетий присутствует в отечественной литературе, обогащая ее неповторимыми красками, созвучиями, мелодиями.

В рецепции мусульманской культуры каждый исторический период русской литературы имел свою специфику.

Особенности художественного диалога с мусульманским миром поэтов и прозаиков серебряного века определяются тем, что для художников слова этого времени (особенно для символистов) первостепенное значение имели религиозные вопросы. Многие из них мечтали о единой религии для человечества, поэтому любые, даже самые слабые намеки на возможность ее рождения с энтузиазмом фиксируются. А. Белый, например, под впечатлением от увиденного в Иерусалиме писал: «Сегодня большой магометанский праздник; процессия арабов и турок с музыкой и знаменами шла к Иерусалиму; рассказывают, что у места Гроба Богоматери магометане останавливались, поворачивались к гробу и пели священные песни... Какая красота в том, что моления всех христиан во многом сливаются, перекликаются с молениями мусульман...» [4, с. 37]. Писательское сознание И. Шмелева в эпопее «Солнце мертвых» разрушает границы мировых религий, восходит в страдании к вере в Мирового Бога, вобравшего в себя лики Христа, Магомета и Будды. Стремление понять проблемы современности, законы цивилизации, место человека во вселенной побуждало обращаться к образам ислама и И. Бунина. В его осмыслении жизнь человека в соответствии с принципами ислама полна гармонии: терпение, молитва, вера помогают достичь Ковсер, райский источник, который, по мусульманскому преданию, «всей земле, всем племенам и странам сулит покой». С глубоким сочувствием пишет поэт об утешающей и миротворяющей силе восточной религии:

Тяжела, темна стезя земная.
Но зачтется в небе каждый вздох:
Спите, спите! Он не спит, не дремлет,
Он вас помнит, милосердный Бог.

В ряде стихотворений И. Бунин воспроизводит сирийские и мусульманские предания, подчеркивая в них мотивы, которые расходятся с христианской канонической трактовкой («Сатана богу», «Каин» и др.). Под воздействием традиций Востока в бунинской поэзии появляются новые черты, возникает чувство неразрывной связи с «тысячелетиями», способность живо и непосредственно откликаться на давно прошедшее.

Традиции восточной образности были востребованы и В. Хлебниковым, который мечтал о «семье народов» не только на просторах России, но и на всем земном шаре. Его творчество пронизывает идея «свободного человека на свободной земле», мысль о том, что идеалы свободы, равенства и братства базируются на всеобщем духовном родстве. Он вел постоянный диалог с основными мировыми религиями, в том числе и с исламом, в котором он находил много такого, что необходимо использовать при создании философии будущего мироустройства. В некоторых произведениях он опирается на принципы художественной образности Корана. Наконец, В. Хлебников создал большой цикл прозаических и поэтических произведений об Иране («Труба Гуль-муллы», «Пасха в Энзели» и др.).

Иранские впечатления стали основой «персидских» глав романа В. Каменского «Степан Разин», в котором он широко использовал традиции персидской поэзии.

Весьма своеобразно культура ислама отразилась в стихах К. Бальмонта. Он переводит отдельные суры Корана, героями его произведений становятся создатель ислама Мухаммад, знаменитый иранский поэт-суфий Д. Руми, арабы-кочевники и т.д. Автор на уровне подтекста сопоставляет характерные для России начала XX в. богоискательство со взглядами на Бога и верованиями людей иной – мусульманской – цивилизации. Его интересуют общность позиций и результаты. Опираясь на традиции исламской и христианской культуры, поэт утверждает, что душа человека постоянно пребывает в состоянии онтологической жажды общения с Богом. Воспроизводя мусульманский тип сознания, К.Бальмонт обращается к жанровым формам арабской и персидской литературы (касыда, газель, мадх), их словарю и стилям («Звезда пустыни», «Джелалэддин Руми», «Оттуда» и др.). Весьма ощутимы в его творчестве отголоски суфийской доктрины. Дело в том, что воспевание человеческой любви противоречило мусульманским ортодоксальным проповедям безропотного подчинения Аллаху. Герой же Бальмонта поет о красоте «бренного» мира, о прелести и совершенстве женщины и любви, перекликаясь в этом с суфийскими поэтами, выразителями оппозиционных настроений в исламе [5, с. 45].

К. Бальмонт в «Песне араба», опираясь на традиции средневековой арабской поэзии, обнажает самое сокровенное в человеческой душе. Затаенные переживания он делает зримыми и понятными. Его герой воспевает и воссоздает страсть к женщине как гармоническое и возвышенное начало, постигает красоту как единственно зримую и осязаемую форму духовности. Так реализуется цель стихотворения – выявить глубоко заложенные в отношениях мужчины и женщины очарование. Реализация мужской сущности в любви раскрывается как благоговение перед женской красотой. Художественные и смысловые заимствования из арабской поэзии делают бальмонтовское решение темы убедительным и оригинальным. Идеи и образы арабской и персидской литературы становятся для него генератором мировоззренческих конструкций, превращающихся в определенный тип текстовой реальности [6, с. 87].

В творчестве и многих других поэтов и прозаиков серебряного века (А. Блока, Н. Гумилева, М. Кузмина, А. Ахматовой и др.) весьма ощутимо дает о себе знать тенденция к синтезу различных культурных и религиозных традиций, что, как заметил И. Есаулов, «определяется коллизией между художественной тенденцией сохранения традиционного для русской словесности православного строя и попытками глобальной трансформации доминанты русской культуры».

После революции 1917 г. интерес к мусульманскому Востоку не ослабевает, а, наоборот, – усиливается. Уже в начале 1920-х гг. появляется огромное количество произведений о Востоке. Среди их авторов – С. Есенин, И. Сельвинский, Б. Лавренев, С. Марков, Н. Тихонов, Л. Леонов, В. Луговской, А. Платонов, И. Наживин, Ю. Тынянов, Л. Рейснер, Аделина Адалис, В. Ян, С. Бородин, Л. Соловьев и др. При издательстве «Всемирная литература по инициативе М. Горького в 1919 г. образуется восточный отдел, издается журнал «Восток», на страницах которого публикуются многочисленные переводы произведений классиков литературы Ирана, Египта, Сирии. Столь широкое обращение советских писателей к наследию мусульманской культуры современная наука расценивает «не как бездумный уход во «вчерашнее» искусство, а как детерминированный временем поиск исторических корней человечества, свободолюбия и красоты. И велся этот поиск не только в национальном эстетическом арсенале, а с самого начала во всей огромной сокровищнице мирового искусства» [7, с. 45].

Примечательно творчество поэта-имажиниста А. Кусикова. Например, художественная картина мира в его поэме «Аль-Кадр» моделируется в координатах прошлого, настоящего и будущего. Она обусловлена особенностями мировоззрения поэта (вера в единого Бога мусульман и христиан, принятие идей революции, убеждение в необходимости сохранения единства духовного мира народа и др.), литературными традициями, на которые он ориентировался (Коран, Евангелие, авангардная поэтика имажинизма), активной ролью памяти, а также структурой концептосферы произведения, нацеленной на воссоздание неоднозначной ментальной ситуации лирического героя и утверждения единства не между земной жизнью и потусторонним миром, как

в суре «Аль-Кадр» Корана, а духовного единства народа. Кораническая бинарная оппозиция «реальность-потусторонний мир» трансформируется в оппозицию «Русь советская – Русь уходящая», которая в перспективе движения времени будет снята.

Для книги А. Кусикова «Зеркало Аллаха» был характерен религиозно-мистический взгляд на Россию и на человека. Мистические мотивы проявляют себя через лексику ислама, через устойчивые общекультурные метафоры и сравнения, более или менее явно употребленные для обозначения теофании, через «апофатическую поэтику», то есть разного рода упоминания о невыразимом, непознаваемом, через характерные романтические черты (экзотические локусы, национальный колорит, исключительность лирического героя, стремление к выходу за пределы обычного пространства и времени, к мистическому переживанию запредельного, к ощущению единения с необычным). Лирический субъект часто в экстазе переживает непосредственное единение с Аллахом. Для героя главное – общение с ним, что достигается через озарение и откровение. Его практика мистицизма включает сосредоточение на простейших сочетаниях слов, на молитвенных восклицаниях, на отдельных словах и т.п.:

Я орел поднебесный кавказский
Под напевы сердитых потоков
Создавал свои смуглые сказки,
Распевая их гордо...далеко.

Я прочитывал строки Корана
У себя высоко на вершинах,
Я творил свой намаз неустанно
На кристальных узорчатых льдинах.

На данном этапе становления лирического героя А. Кусикова мистическая интуиция, определенный «духовный опыт» становятся высшими формами познания.

Всеобщее внимание привлекла поэма А. Кусикова «Коевангелиеран» (1918), в названии которой контаминированы два слова – Коран и Евангелие. Ключевым концептом является концепт «причащение» – таинство евхаристии, во время которого на верующего нисходит божественная благодать. О ее нисхождении, обретении веры в единого Бога («Аллах в облаках Един») повествует лирический герой поэмы.

Важным моментом было и то, что большинство советских писателей опиралось на непосредственные впечатления от жизни мусульманских народов. Однако принципы социалистического реализма, максимально идеологизированная концепция истории, отсутствие свободы творчества часто мешали писателям в их диалоге с культурой мусульманства. Это проявилось в недооценке ее позитивного начала, акцентировании реакционности, догматизма ислама («Разин Степан» А. Чапыгина, «Степан Разин» С. Злобина, «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, «Поход в Персиду» А. Маркова и др.). Но некоторые писатели сумели достичь того художественного уровня, который получил в науке определение западно-восточного синтеза (И. Брагинский, М. Нольман). Его суть – в способности писателя одинаково точно и полно постичь оба – восточный и западный – тип мирозерцания [8, с. 45].

Л. Леонов, например, уже в ранних рассказах приближается к подобной точности и полноте. Восточная традиция воспринимается им как «субстрат» (Д. Лихачев), «нарцательное общественное достояние» (А. Бушмин), что и позволяет ему творить свободно. При постижении восточной культуры он соотносит ее в подтексте с современностью, поэтому можно сказать, что в его рассказах присутствует не только мирозерцание восточного человека той или иной культуры, но и русского человека XX в., человека эпохи революции, то есть возникает тот синтез, о котором шла речь выше. Разумеется, он иного, чем, например, у Пушкина, вида. Тенденция к синтезу у раннего Л. Леонова проявляется в том, что ту или иную культурную эпоху он видит как бы целиком, со всеми ее контрастами и противоречиями, основным направлением развития. У писателя, следовательно, такая широта взгляда, которой, по понятным причинам, не было и не могло быть у тех писателей и летописцев, опыт которых он учитывал. Опыт Л. Леонова показывает, что увлечение внешней колоритностью, ор-

наментализмом – лишь начальный этап усвоения традиций восточного искусства слова. Большой художник на нем остановиться не может. За этим должен последовать углубленный социально-психологический анализ непосредственно восточной действительности, характера человека мусульманской культуры. Это имеет место в его более позднем творчестве («Дорога на Океан», «Метель», «У колыбели большого Анграна»).

Новые подходы к художественным традициям мусульманского Востока начнутся в русской литературе конца XX – начала XXI в. В постсоветский период при обращении к теме Востока и его художественному опыту русские писатели решительно отбрасывают штампы социалистического реализма и выходят на новый уровень синтеза восточных и русских литературных традиций. Ориентиром становится литература серебряного века, давшая поистине непревзойденные образцы взаимодействия с традициями мусульманской культуры. Об этом свидетельствует творчество таких писателей, как Т. Зульфикаров, Т. Пулатов, Р. Бухараев и др.

Особенно показательно творчество Т. Зульфикарова, имеющее глубокие национальные корни. Они уходят в почву классической персидско-таджикской литературы, где большое развитие нашли рифмованная проза и ее сложнейшие разновидности, красочная орнаментальность и полифоническая музыкальность. Это была ярко поэтическая проза, иногда мало отличающаяся от поэзии. Пересыпанная такими же яркими любовно-философскими, дидактическими и афористическими стихотворными отрывками, она отличалась особой силой эмоционального воздействия. Именно с этими древнейшими традициями персидско-таджикской классической литературы прежде всего связаны многие отличительные черты поэтики повестей-поэм Т. Зульфикарова. В то же время совершенно очевидно, что нельзя ограничивать его творческие связи только восточными рамками. Проза Т. Зульфикарова – явление более широкое, отражающее в себе тенденции литературного развития как прошлого, так и современности. В качестве предшественников прозы Т. Зульфикарова можно назвать, прежде всего, поэзию и прозу В. Хлебникова и Андрея Белого. Н. Климонтович верно замечает, что подчас тексты прозаика напоминают изысканную декоративную ткань. Узоры строк тягучи, томны, но таят разнообразие и фантазию подлинного вдохновения, как орнамент старинного восточного ковра. Пластичный русский язык пересыпан, как пряностями, тюркскими и арабскими названиями и именами. Повторы, длинные ряды эпитетов, глагольные синонимы, ритмические фуги помогают автору задержать изображение, продлить действие, сделать его более зримым и объемным.

На рубеже веков интерес к культуре и истории народов Востока не просто сохраняется, но заметно активизируется. Обозначаются новые художественные подходы к изображению событий в странах исламской культуры. В этом смысле заметным явлением стал роман современного прозаика А. Иличевского «Перс». В поле зрения автора древняя и современная Астрахань, Баку, США, Иран, Саудовская Аравия и другие регионы. Затрагивается широкий круг проблем: борьба за сохранение природы, мировой терроризм, судьбы народов Азербайджана и Ирана. Фабула романа связана с изображением того, как молодой ученый Илья Дубнов, гражданин США, отправляется на Каспий, в места своего детства, и там, на задворках бывшей советской империи, встречает школьного друга Хашема Сагиди, выходца из Ирана. Природный человек, он живет в заповеднике, обучает соколов охоте. В степи он устраивает вместе с егерями своеобразный фаланстер – Апшеронский полк имени Велимира Хлебникова, несущий людям зерно новой веры. Пути героя пересекаются с исламскими фундаменталистами и террористами. Защищая природу, он гибнет.

Таким образом, межкультурный диалог и проблема толерантности – проблемы, актуальные не только для культуры и литературы, но и для всех сфер жизни человеческого сообщества, поскольку в эпоху глобализации оно вошло в новое столетие в атмосфере роста религиозной нетерпимости, неумения и часто нежелания вести межкультурный диалог. В Европе звучат утверждения о крахе политики мультикультурализма. Культура и литература не просто участвуют в сглаживании конфликтов, но самым утонченным образом формируют толерантность на уровне сознания и подсознания. Исследование механизмов и художественных средств воздействия художест-

венных образов на порождение и утверждение идеалов веротерпимости и взаимного уважения народов представляется очень нужным и перспективным направлением научных исследований, имеющим самый непосредственный выход в практику межнациональных отношений, особенно в Волго-Каспийском регионе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975.
2. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва : Советский писатель, 1988.
3. Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Буткова. – Волгоград, 2001.
4. Белый А. Письма / А. Белый // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Москва : Наука, 1988.
5. Исаев Г. Г. Мотивы исламской культуры в творчестве К. Бальмонта / Г. Г. Исаев // Вопросы лингвистики и литературоведения. – 2009. – № 1 (5).
6. Исаев Г. Г. Код исламской культуры в творчестве русских писателей : монография / Г. Г. Исаев. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009.
7. Грознова Н. А. Русский советский рассказ (1917–1921) / Н. А. Грознова. – Ленинград : Наука, 1976.
8. Брагинский И. Западно-восточный синтез в лирике Пушкина / И. Брагинский // Народы Азии и Африки. – 1966. – № 4.
9. Нольман М. Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа / М. Нольман // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 4.

References

1. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovanija raznyh let* [Literature and aesthetics problems. Researches of different years]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975.
2. Gachev G. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1988.
3. Butkova N.V. *Obraz Germanii i obrazy nemcev v tvorcestve I.S. Turgeneva i F.M. Dostoevskogo* [Image of Germany and images of Germans in I.S. Turgenev and F.M. Dostoevsky's creative work]. Volgograd, 2001.
4. Belyj A. Pis'ma [Letters]. *Vostok – Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii* [The East – the West. Researches. Translations. Publications]. Moscow: Nauka, 1988.
5. Isaev G.G. Motivy islamskoj kul'tury v tvorcestve K. Bal'monta [Motives of Islamic culture in K. Balmont's creative work]. *Voprosy lingvistiki i literaturovedenija* [Linguistics and Literary Criticism Problems]. 2009, no. 1 (5).
6. Isaev G.G. *Kod islamskoj kul'tury v tvorcestve russkih pisatelej* [Code of Islamic culture in creative work of Russian writers]. Astrakhan: Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2009.
7. Groznova N.A. *Russkij sovetskij rasskaz (1917–1921)* [Russian Soviet story (1917–1921)]. Leningrad: Nauka, 1976.
8. Braginskij I. Zapadno-vostochnyj sintez v lirike Pushkina [West-east synthesis in Pushkin's lyrics]. *Narody Azii i Afriki* [People of Asia and Africa]. 1966, no. 4.
9. Nol'man M. Zapadno-vostochnyj sintez v proizvedenijah Pushkina i ego realisticheskaja osnova [West-east synthesis in Pushkin's works and his realistic basis]. *Narody Azii i Afriki* [People of Asia and Africa]. 1967, no. 4.

БЫЛИЧКИ И РАССКАЗЫ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Скрипникова Мария Дмитриевна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: manonchik-mari@mail.ru

Статья представляет собой перечень рассказов, легенд и мифов, собранных в результате опроса сельских жителей. Эти мифы и легенды являются неотъемлемой частью нематериального культурного наследия Астраханской области. Сохранение таких форм нематериального наследия очень важно для передачи его последующим поколениям. Автором предложена классификация таких рассказов и мифов. В статье приведены результаты опроса жителей Икрянинского района Астраханской области.